

— Ирина Витальевна, имеет ли для вас значение быть понятой всеми?

— А зачем это надо, чтобы все? Людьюми, которые меня окружают, самыми близкими — да, это другое дело. И когда этого нет, очень тяжело... А чтобы всеми... Надо мной только Сосо, друзья, такие, как Борис Моисеев. И немногие другие.

— А как бы относитесь к злобланию (а чего-чего, но этого бокруг вас всегда хоть отбавляй)?

— Ну как можно к этому относиться? При том, что я уже более двадцати лет занимаюсь песней и соответственно опыт, я думаю, приличный, — все это ранит, конечно, удручает до крайности, сколько ни внушай себе, что все это — пшик, что это гадость и ты выше этого... все-таки это безумно больно. Всякий раз... Но у меня уже выработался какой-никакой иммунитет, и теперь я могу позволить себе

сказать: а имела я всех в виду! Тех, что пакудством занимаются, я подразумеваю.

— Вашим сегодня бы довольны?

— В общем — да. Любимое дело. Определенное положение, позволяющее чувствовать себя в определенном смысле независимой. И я без обиняков могла назвать бы себя и довольной, и счастливой, когда бы жила в другое время и другом месте, более для этого "приспособленных".

— "Определенное положение и определенная независимость" — это, верно, в том числе и экономическая состоятельность?

— Увы. В наших условиях она, эта состоятельность, попросту невозможна. Денег, что мы имеем сегодня, хватает на то, чтобы хорошо выглядеть, хорошо питаться, иметь возможность, скажем, принимать гостей, но часто записывать песни, при всем нашем желании, — на это их уже не хватает (наша норма — две песни в полгода); на то, чтобы сделать шоу именно таким, каким нам мыслится, — тоже не хватает, учитывая приблизительную стоимость предприятия — 25-30 миллионов. Плюс инфля-

БЕСПЕЧАЛЬНОЕ ШОУ НА ДВА ГОЛОСА

ция. О клипах нечего и говорить. Это неподъемное для нас с Сосо дело.

Отсюда такое умозаключение: все сводится и все упирается только в деньги, это если честно, без патетики.

— Вы тоже облагаетесь данью на телевидении?

— Еще бы... Новые времена, что вы хотите? Даже называется пристойно — "оплата эфирного времени". И так везде.

— Среди коллег у вас есть друзья?

— Это очень сложный, правда, вопрос... Я очень бережно и уважительно отношусь к любому артисту, без различия ранга и калибра. Но друзья... О Сосо я говорить не буду, это само собой разумеющееся, еще, пожалуй, Лева Лещенко и уже названный Боря Моисеев, уникальный вобщем человек, дружбой которого очень горжусь и дорожу... Редко с кем среди коллег завязываются прочные отношения, и тому есть причины. Артист живет на колесах, бивачной жизнью, вечно в разъездах — где тут, за нескончаемой вереницей гостиниц, стран и калейдоскопом незнакомых лиц, какие-то серьезные отношения налаживать? И это — трагедия тоже. Когда Сосо — а он ведь сгусток энергии, человек, задыхающийся от жажды работы! — тербит, мол, давай почаще ездить с концертами, почаще выступать, я стараюсь мягко так внушить ему, исходя из своего не очень-то по этой части радужного опыта: погоди, успеется. Знаете, надо как-то совмещать. В идеале. И выступать, и... жить нормальной жизнью, но возможно ли это? Не знаю, честно. Надо найти золотую середину, но как ее найти... А если не найдешь, рискуешь оказаться — после даже феерии — у разбитого корыта.

— Ирина Витальевна, при всем том, что творится, включая положение дел на эстраде, вы уверены в долгосрочности вашего совместного творчества?

— Музыка, которую творит Сосо Павлиашвили, обязана выжить. Потому что это не сиюминутное нечто... Тут есть побочный разговор: я считаю, что жизнь, особенно артистическая жизнь, испытывает тебя постоянно, выдержишь ли, сохранишься ли нет... А такому чувствительному человеку, как Сосо, трепетному и поэтически, приходится тяжелее вдвойне. Артист ведь вообще — существо без кожи, понимаете? Третирование, пренебрежение, то, о чем мы говорили, — это убивает творческую личность. Невозможно быть толстокожим и все время сохранять — без отдачи — энтузиазм духа... Но пока мы вместе, пока мы работаем, пока с нами, в нас и вокруг — музыка, и мы счастливы. Моментами, правда.

— А кто из вас более подвержен депрессии?

— Во-первых, депрессии — это неизбежное, если ты умный человек, если ты не пустельга и пустоцвет и способен на рефлекссию. Каждый шаг дается, как правило, мучительно, но об этом, это мое личное убеждение, догадываться не должен никто. Во-вторых, мы оба в этом смысле хороши.

— При всех трудностях в работе что-нибудь новое появилось?

— Скоро выйдут пластинки. Сольные. Где поем и дуэтом, конечно... Проект осуществился через Центр Стаса Намина.